

УДК 930.2

**К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ
РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

© 2018 г.

Н.И. Солнцев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

sochin3@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.08.2018

Рассматривается вопрос о периодизации истории русской исторической науки. Прослеживается историческая преемственность схем историографической периодизации XIX–XX веков, показывается единство и различие подходов, выработанных в решении этого вопроса. Дается критика подходов к решению вопросов периодизации истории исторической науки, выработанных в советский период. В заключение представляется и обосновывается новая схема периодизации русской исторической науки.

Ключевые слова: история русской исторической науки, историография, периодизация истории науки, кризис исторического научного знания.

На рубеже XX–XXI столетий русская историческая наука вступает в новый этап своего развития, для которого характерен повышенный интерес к изучению опыта эволюции науки и выявлению перспектив ее развития. Многовековая судьба российской историографии наглядно продемонстрировала, что, наряду с продуктивными исследованиями в этой сфере, возникло множество явлений идеологической ангажированности, следствием которой стало усиленное внимание к «направлениям», «течениям», соответствовавшим колебанию сиюминутного политического курса. Всё это принуждало историографов к односторонним суждениям и зачастую уводило их от поиска ответов на главные вопросы: какими способами и в рамках каких общественных структур добывается, фиксируется и распространяется историческое знание, как развивается и эволюционирует исторический дискурс.

Наиболее ярко, на наш взгляд, подобная проблема высветилась в вопросах периодизации истории развития русской исторической науки. Сложившуюся ситуацию можно было бы отождествить с желанием расчистить поле для новых теоретических построений, однако за более чем четвертьвековой период развития отечественной историографии как науки более или менее стройной системы периодизации так и не выработано. Последнее обстоятельство выглядит особенно печально на фоне вполне справедливого утверждения, высказанного Р.А. Киреевой, о том, что вопрос периодизации исторической науки является краеугольным камнем познания и оценки закономерностей ее развития [1, с. 98]. Данное замечание становится еще более злободневным, если вспомнить, что советская школа историографии была связана с

предшествующей и последующей сотнями зримых и незримых нитей, соединяющих само тело русской исторической школы воедино. Все это дает право актуализировать тему периодизации истории русской исторической науки.

Историография как специальная историческая дисциплина появляется в начале второй половины XIX века. К этому времени русская историческая школа уже прошла значительный путь развития и сложилась как самостоятельная научная дисциплина. Стоит ли удивляться, что именно в этот хронологический период появляется интерес к осмыслению творческого пути, пройденного русской исторической школой. По наблюдению Р.А. Киреевой, во второй половине XIX века проблему периодизации в своих историографических работах ставили перед собой четыре человека – И.В. Лашнюков, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, А.С. Лаппо-Данилевский [1, с. 129]. Приведенный список можно также расширить за счет работы М.О. Кояловича «История русского самосознания...», впервые вышедшей в свет в 1884 году и неоднократно потом переиздаваемой [2], и четырехтомного творения профессора Киевского университета В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» [3–6]. Названные ученые по-разному искали и находили критерии для определения и обоснования периодов развития русской исторической науки. Не все эти попытки следует признать успешными, не все они носили последовательный характер, но желание исследователей привести свои оценки к определенной системе следует признать бесспорным.

Начиная свой экскурс в историю русской исторической науки, И.В. Лашнюков безапелляционно заявляет: «Историография наша в своем ходе представляет те же периоды, какие прошла

наша историческая жизнь. Соответственно этим периодам, я разделяю историю историографии на три периода: 1) историография удельно-вечевой Руси; 2) историография Московского государства и 3) историография XVIII и XIX в.» [7, с. 2]. Сразу отметим, что подобного рода периодизация с точки зрения современного историка выглядит весьма поверхностной, тем не менее, стоит заметить, что для своего времени ее можно считать вполне состоявшейся. Прежде всего данное утверждение следует обосновать задачами, которые ставит перед собой исследователь. Современное И.В. Лашнюкову историографическое изыскание пока еще не ставит перед собой цели обозначения причинно-следственных связей в эволюции истории исторической науки. Свою задачу автор видит прежде всего в систематизации имеющихся у него под рукой исторических текстов, отражающих историю России. Стоит ли удивляться, что за основу своей периодизации Лашнюков берет простейший хронологический ряд, отражающий историческую событийность жизни страны. Кроме того, следует добавить, что на современном автору этапе развития русской исторической школы на первом месте все еще стоит задача не столько анализа историографического материала, сколько его собирания. Исходя из этого, представленная периодизация не кажется странной.

Несколько иного взгляда на историографическую периодизацию придерживался В.О. Ключевский. К теме истории русской исторической науки Ключевский обращается не ранее 1876 года. Тема раскрывается в ряде статей и обзоров, посвященных таким темам, как варяжская проблема, средневековая русская историография, творчество В.Н. Татищева [8, с. 136–184]. В 1892 году на свет появляются конспекты лекций по русской историографии, представляющие собой уже законченное сочинение. Отличительной чертой этой работы стало построение повествования через персонифицированное изложение вклада историков XVIII–XIX веков в развитие русской исторической науки [8, с. 185–233].

В 1884 году выходит в свет монография М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», представляющая собой переработку курса его академических лекций по русской историографии. В этой работе как нигде отразилось все своеобразие личности, мыслей и чувств автора. Структура работы представляла собой попытку совмещения способов изложения историографического материала по эпохам, с одной стороны, и персоналий российских историков XVIII–XIX веков – с другой. «Наша

история науки будет заключать в себе обычные отделы: разного рода летописи; акты, послания, письма; сказания иностранных писателей... Но в новом времени наше обозрение истории русской истории будет представлять значительные особенности. Мы будем обозревать труды научного изложения русской истории с разных точек зрения и распределять их на особые группы» [2, с. 51]. Несмотря на обещание разделить изложенный материал на группы, структура работы Кояловича выглядит достаточно путанной. В одно повествование сведены материалы, расположенные по хронологическому принципу, историческим персоналиям и даже по методологии, использованной в исследовании. Главным недостатком работы следует считать выраженное личное отношение автора к результатам исследований описания, которые вошли в работу. Деятели науки, как отметил в своей критике П.Н. Милюков, разделены были на два лагеря и уличены в заговоре против русского самосознания. «Коялович не сумел сделаться судьей в собственном деле, и вся история науки вышла у него обвинительной речью *pro domo sua*» [9, с. 3].

Столь жесткая отповедь П.Н. Милюкова помещена во введение собственного историографического сочинения «Главные течения русской исторической мысли». Как и предшествующие произведения, работа представляла собой переработанный и дополненный курс лекций по истории русской исторической науки, прочитанный им в Московском университете. Периодизация русской историографии, предложенная Милюковым, первоначально поражает своей простотой. По его мнению, все развитие русской исторической науки можно разделить на два периода. «Первый период мы можем назвать периодом практического или этического понимания задач историка. Характеристической чертой второго служит развитие представления об истории как науке» [9, с. 9]. Границей между этими периодами, по мнению автора, становится творчество Н.М. Карамзина. Таким образом, вся история русской исторической науки распадается на период первый «до Карамзина» и второй «после Карамзина». Следует, однако, отметить, что подобная простота приводит автора к неизбежно большому количеству глав и подразделов, обильно населяющих указанные периоды, что быстро приводит к мысли о явной недостаточности предложенной периодизации. В итоге, несмотря на весьма плодотворную попытку придать истории русской исторической науки новую структуру, П.Н. Милюков, как и его предшественники, не может оторваться от изложения истории твор-

ческого поиска конкретных личностей в конкретный исторический период. Поэтому в конечном итоге все и сводится к разделению на XVIII столетие «до» и XIX «после Карамзина».

Свой вклад в периодизацию истории исторической науки внес А.С. Лаппо-Данилевский. Его взгляды на проблему начали формироваться еще в начале 90-х годов XIX века, когда при чтении вводной лекции курса истории России он позволил себе далеко идущие выкладки, посвященные русской историографии. Эти наработки в конечном итоге складываются в серию эскизов статей, вышедших в свет уже после смерти автора под названием «Очерки развития русской историографии» [10, с. 5–28]. Исчерпывающий анализ взглядов Лаппо-Данилевского на историографическую периодизацию подробно изложен в работе А.В. Малинова и С.Н. Погодина [11, с. 100–142]. В основу периодизации была заложена эволюция научных идей, движущих историками. В результате после многочисленных переработок периодизация истории русского исторического знания приняла следующий вид: «Периоды: I. Летописный; II. Компилятивный с претензией на «ученость»; III. Критико-прагматический; IV. Научно-литературный; V. Научный» [11, с. 114–116]. Как уже говорилось выше, за основу развития русской исторической науки Лаппо-Данилевский принял эволюцию философских взглядов отечественных историков. Подобный подход к решению данной проблемы сближал историографические положения Лаппо-Данилевского и Милюкова и, как казалось на тот момент, решал проблему причинности в истории постановки и решения тех или иных научных вопросов.

Как ни странно, но именно эта парадигма рассмотрения исторических проблем через призму определенной философской концепции легла в основу построения историографических представлений о развитии русской исторической науки после Октябрьской революции. Однако случилось это не сразу. В 1920-е и в начале 1930-х годов проблема историографической периодизации мало беспокоила историков-марксистов [12, с. 11]. Историографическое наследие XIX века в основном служило объектом критики со стороны апологетов нового понимания истории. Ярким примером такой оценки всей предшествующей русской историографии могут служить работы М.Н. Покровского, посвященные истории русской исторической науки [13, с. 7–101; 14, с. 101–118]. В условиях жесткой политизации исторического знания вернуться к проблеме историографической периодизации советская историческая школа смогла только к самому концу 1930-х годов, и сделано

это было в работе Н.Л. Рубинштейна «Русская историография» [15]. Как отмечал впоследствии С.О. Шмидт, эта работа стала примером применения ленинской методологии к изучению истории [16, с. 35] и в то же время, как утверждает В.А. Муравьев, была преемницей досоветской историографии [17, с. 228–233]. Подробная характеристика работы Н.Л. Рубинштейна дается в монографии Е.Н. Соломахи, посвященной анализу основного труда историка [18].

Сам Н.Л. Рубинштейн постоянно подчеркивает в своей работе свое марксистское понимание истории. Именно в рамках этой исторической концепции и была сформулирована новая периодизация истории русской исторической науки. В ней выделено четыре крупных периода: феодальная историография, буржуазная историография, кризис буржуазной исторической мысли, историческая наука советского периода. Внутри каждого периода автор отмечал ряд этапов, позволяющих обосновать специфику качественных изменений, происходивших в самой исторической науке за время ее существования [15, с. 15]. Тем самым Рубинштейн впервые сформулировал историографическую периодизацию формационного типа, использующую не только внешний, хронологический или персональный, но и внутренний критерий развития самой исторической науки [19, с. 181–182]. Стоит ли удивляться, что столь удачно сформулированная историографическая концепция, полностью соответствовавшая господствующей идеологической доктрине, практически без изменений будет переходить из одного обзора русской историографии в другой. Как отмечал один из крупнейших советских специалистов в области историографии А.М. Сахаров, «каждый крупный этап в развитии науки связан с развитием определенных классов общества... отражает их объективную классовую сущность» [20, с. 16]. Казалось бы, разработана универсальная схема, дающая возможность абсолютно объективно оценить сложный путь, пройденный русской исторической наукой, выстроить систему эволюции отечественного исторического знания. Однако, как показала дальнейшая история, подобная уверенность была преждевременной.

Прежде чем говорить о недостатках, присущих советскому пониманию периодов истории отечественной исторической науки, следует высказать одно предварительное замечание. Марксистский или марксистско-ленинский этап в развитии русской исторической школы был вполне закономерен. Он был обусловлен как значительным вкладом, который внес В.И. Ленин в развитие современного ему марксизма, так и самим фактом существования со-

ветского моноидеологического государства. В рамках этих условий сложилась во многом уникальная школа исторических исследований, создавшая мощную базу для современной исторической науки. Вместе с тем, не скрывая своей связи с предшествующими философскими концепциями, ленинизм обрушивается на них с уничижительной критикой, отмечая прежде всего неспособность их саморазвития до единственно правильного понимания сущности исторического процесса. Став во главе исторической науки, апологеты советской историографии поспешили определить весь предшествующий отечественный историографический опыт всего лишь как некий исторический субстрат, на котором только при советской власти было выращено древо единственно правильного понимания истории. Так, в условиях господства одной идеологической доктрины весьма плодотворная идея П.Н. Милюкова и А.С. Лаппо-Данилевского – идея рассматривать историю исторической науки через призму эволюции философских концепций – превратилась в демонстрацию концепции, в силу своей безупречности лишенной развития.

Указанный идеологический детерминизм приводит советскую историографию к ряду несообразностей, которые, несомненно, были очевидны уже самим историкам, конструирующим ее, однако, несмотря на это, вычеркнутым из контекста историографического дискурса. В связи с этим в первую очередь хотелось бы отметить, что выделение таких периодов, как «дворянский» или «буржуазный», предполагает наличие некой однородности в ряду представителей. К сожалению, упомянутая однородность получилась весьма умозрительной. Чрезвычайно трудно поставить в один «дворянский» ряд не только таких его представителей, как М.М. Щербатов и М.В. Ломоносов, но даже равнять князя Щербатова с И.Н. Болтиным. Разница исторических приоритетов первого и второго была настолько очевидной, что рассматривать их творчество можно только как пример жесткой мировоззренческой полемики. С величайшим трудом устанавливается «буржуазная» однородность между сыном крепостного М.П. Погодиным и помещиком К.С. Аксаковым и легальными марксистами потомственными дворянами С.Б. Струве и М.И. Туган-Барановским. Как едко замечает А.Ю. Дворниченко, в этом виден, «выражаясь излюбленным языком той же советской историографии, вульгарно-социологический подход» [21, с. 30].

Кроме этого, подобная периодизация вычеркивает из русской историографии, а вместе с ней и российской истории целые поколения ис-

ториков, занимавшихся церковно-исторической проблематикой. Создатели фундаментальных исторических произведений архиепископ Филарет (Гумилевский), митрополит Макарий (Булгаков), профессор Московской духовной академии Е.Е. Голубинский, десятки других выдающихся церковных историков просто исчезли со страниц истории русской исторической науки, видимо, ввиду так и не определенного социального статуса.

Еще одной неотъемлемой чертой приведенной периодизации является теория развития историографического комплекса через кризисы. История исторической науки, тесно связанная с бытованием конкретного социального слоя, переживала период расцвета, а далее стремилась к неизбежному кризису. Само понятие кризиса неоднократно упоминается в работах В.И. Ленина, где рассматривается как рубежная стадия развития общества, на которой «резко и ясно проявляются основные тенденции, основные законы движения» [22, с. 309]. Под кризисом понимался исторический период, когда обостряются самые скрытые общественные противоречия, подводится итог всему прошлому этапу развития, чтобы, отбросив все старое, общество могло сделать качественный шаг вперед [23, с. 364; 24, с. 102].

Другими словами, кризис понимался прежде всего как элемент общественного развития – явления, без которого общественный прогресс был бы невозможен. Характерно, что, перейдя в другую стадию общественного развития, социум отбрасывал показавшие себя неэффективными структуры и больше к ним не возвращался. Однако к истории науки такой подход был неприемлем. Буржуазный период отнюдь не отвергал достижений периода дворянского, мало того, он из него вырастал. Работы «буржуазных» историков были востребованы весь период последующего развития русской исторической науки и востребованы до сих пор, не только как опыт историографии, но и как пример законченного исследования. Таким образом, перенос схем общественного развития на историю науки как таковой и исторической науки в частности явно себя не оправдал. Произошла досадная подмена понятий, кризис общественный подменял понятие кризиса научного. Как убедительно показывает С.П. Рамазанов, ориентация научного сообщества на получение нового знания «обуславливает внутреннюю необходимость кризисов в науке, а опора на традицию определяет как настоятельную потребность их разрешения и периодический характер самих кризисов, так и неизбежность борьбы научных идей» [25, с. 26]. Еще хуже обстояло дело в оп-

ределении критериев кризиса, а это давало широкое поле для всевозможных субъективных подходов в сравнении итогов научных исследований тех или иных периодов. Все это заставляет прислушаться к чрезвычайно разумному выводу А.Ю. Дворниченко о том, что «теорию “кризиса” надо заменить теорией своеобразия тех или иных периодов отечественной историографии. Иначе, как мы видели, кризисом можно объявить и весь период советской историографии, а тем более постсоветскую историографию» [21, с. 30].

Рекомендация рассматривать периоды истории русской исторической науки через своеобразие каждого из них может быть реализована через характеристику каждого отдельного этапа развития по типу формирования нарратива, отражающего коммуникативные свойства исторических текстов. Принципы формирования можно рассматривать как формы дискурса, выраженные в большей степени, чем жанры, где каждый тип изложения имеет характерные первичные признаки. Исходя из этих принципов, можно характеризовать периоды развития русской исторической науки как нарративно-дискурсивный, модально-дискурсивный, концептуально-дискурсивный и научно- или эксплоративно-дискурсивный. Хронологическое соотношение и качественное содержание выделенных периодов можно охарактеризовать следующим образом.

Нарративно-дискурсивный. Под этим термином следует понимать способ формирования исторического текста, позволяющий рассмотреть нарратив как специфический способ дискурсивного моделирования реальности, который достигался через рецепцию исторических образов и придание им актуальности путем последовательного событийного повествования, подчеркивающего историческую преемственность современной автору эпохи. Наиболее ярко подобный принцип построения изложения продемонстрирован в русском летописном наследии, поэтому может рассматриваться как характеристика этого этапа развития отечественной исторической науки. Хронологически этот период охватывает период от зарождения летописной традиции до ее полной деградации и фактического исчезновения в конце XVII века. Характерно, что внутри этого периода начинается формирование второго этапа развития русской исторической науки, который можно охарактеризовать как модально-дискурсивный.

Под понятие модально-дискурсивного подпадает тип исторического текста с выраженным отношением автора к содержанию его повествования, через актуализацию истории совре-

менностью. Начало этого этапа можно условно соотнести с началом XVI века, угасанием летописной традиции и возникновением на ее основе исторических повествований с выраженной назидательной направленностью и содержащими культурно-политическую целевую установку. Расцвет этого этапа приходится на XVIII столетие, после чего с начала XIX века начинается период угасания этой традиции и возникновения в ней нового периода, концептуально-дискурсивного.

Концептуально-дискурсивным следует определить вид исторического повествования с ярко выраженными объяснительными характеристиками, направленными на понимание исторического процесса в целом, определение этапности исторического развития, выяснения причинно-следственных связей между прошлым и настоящим. Расцвет этого периода приходится на вторую половину XIX века, а своеобразным апогеем можно считать формирование советской марксистско-ленинской исторической школы, рассматривающей историю исключительно с этих позиций. Однако уже в первой половине XX века интерес историков к выработке глобальных исторических концепций начинает угасать. Связано это было прежде всего с выработкой значительного количества концептуальных решений развития человеческой истории, с одной стороны, и идеологическим диктатом – с другой. Кроме того, наибольший научный интерес стали представлять частные исторические темы, через разработку которых можно было подтверждать или опровергать глобальные концептуальные положения. Подобная постановка исследовательской задачи сформировала новый этап развития русской исторической науки, который можно назвать научно- или эксплоративно-дискурсивным.

Под научно- или эксплоративно-дискурсивным периодом следует понимать этап развития исторической науки, начинающийся в конце XIX века и продолжающийся до сих пор. В этот период история как наука начинает представлять собой систему исторического знания, состоящую из значительного числа отдельных дисциплин, решающих многочисленные частные задачи исторического исследования. Это дает возможность вести исследование как отдельных исторических направлений, так и широко использовать междисциплинарный подход к получению нового научного знания. Именно этот период формирует лицо современной исторической науки и определяет возможные пути ее дальнейшего развития как комплекса отдельных дисциплин, каждая из которых в конечном итоге выработает свое историографиче-

ское наследие, демонстрирующее этапы ее развития.

В заключение хочется отметить, что именно многопрофильность исторических подходов, синтез научных методов и направлений, изменившихся, по сравнению с предшествующими периодами, лицо современной исторической науки, приводит исследователей в некую растерянность в отношении характеристики ее современного периода. Это, в свою очередь, приводит к рассуждениям на тему внутреннего кризиса исторической науки как способа рационального познания прошлого, конечности информации исторического источника, возможностей его анализа и интерпретаций, а вместе с ним и дезактуализации исторического знания. По этому поводу хочется заметить, что современный этап развития исторической науки чрезвычайно сложен и своеобразен. Обширный комплекс междисциплинарных подходов придает современному ее состоянию совершенно иной по сравнению с предшествующими периодами вид. Система современных коммуникаций стократно увеличивает возможности научного общения, упрощает доступ исследователя к источниковым и историографическим комплексам. Все это позволяет получить ранее невозможные результаты, значительно повысить скорость и качество научного исследования, что влечет за собой формирование обширнейшего историографического контента, анализ которого, в свою очередь, станет будущим российской исторической науки.

Список литературы

1. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 года. М.: Наука, 1983. 216 с.
2. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 688 с.
3. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев: Типография Университета св. Владимира, 1891. Т. I. Кн. 1. 1016 с.
4. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев: Типография Университета св. Владимира, 1892. Т. I. Кн. 2. 1283 с.
5. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев: Типография Университета св. Владимира, 1908. Т. II. Кн. 1. 1113 с.
6. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев: Типография Университета св. Владимира, 1908. Т. II. Кн. 2. 1054 с.
7. Лашнюков И.В. Очерки Русской историографии / Пособие к изучению русской истории критическим методом. Киев: Университетская типография, 1874. Отдел II. 207 с.
8. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1989. Т. VII. 508 с.
9. Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб.: Изд-во М.В. Аверьянова, 1913. 347 с.
10. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. № 6: Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского († 7 февраля 1919 г.).
11. Малинов А.В., Погодин С.Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб.: Искусство-СПБ, 2001. 285 с.
12. Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // Вопросы методологии и истории исторической науки. М.: Изд-во МГУ, 1977. 315 с.
13. Покровский М.Н. Борьба классов и русская историческая литература // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М. – Л.: Государственное Социально-экономическое изд-во, 1933. 327 с.
14. Покровский М.Н. Кем и как писалась русская историческая наука до марксистов // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов (историографические очерки, критические статьи и заметки). Вып. 1. М. – Л.: Государственное Социально-экономическое изд-во, 1933. 327 с.
15. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. 659 с.
16. Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Историография истории СССР. Труды / Московский историко-архивный институт. М., 1965. Т. 22. 294 с.
17. Муравьев В.А. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 г. М.: Наука, 1999. 429 с.
18. Соломаха Е.Н. Труд Н.Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе. Н. Новгород: Пламя, 2011. 232 с.
19. Иллерицкая Н.В. Становление советской историографической традиции: наука, не обретшая лица // Советская историография: Сборник статей / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. 588 с.
20. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М.: Высшая школа, 1978. 256 с.
21. Дворниченко А.Ю. О периодизации и содержании курса русской историографии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 28–38.
22. Ленин В.И. Вождь ликвидаторов о ликвидаторских условиях единства // Полн. собр. соч. Т. 24. 567 с.
23. Ленин В.И. Политический кризис и провал оппортунистической тактики // Полн. собр. соч. Т. 13. 579 с.
24. Ленин В.И. Мертвый шовинизм и живой социализм // Полн. собр. соч. Т. 26. 590 с.
25. Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века (В 2 ч.). Ч. 1: Постановка и попытка решения проблемы. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1999. 144 с.

REVISITING THE PERIODIZATION OF RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

N.I. Solntsev

The article examines the issue of periodization of Russian historical science. A historical continuity of the historiographical periodization schemes of the 19th – 20th centuries is traced, similarities and differences of the approaches to this problem solution are shown. A critical analysis is given of some approaches to the periodization of the history of historical science that were developed during the Soviet period. In conclusion, a new scheme for the periodization of Russian historical science is presented and substantiated.

Keywords: history of Russian historical science, historiography, periodization of Russian historical science, crisis of historical science.

References

1. Kireeva R.A. *Izuchenie otechestvennoj istoriografii v dorevolucionnoj Rossii s serediny XIX v. do 1917 goda.* M.: Nauka, 1983. 216 s.
2. Koyalovich M.O. *Istoriya russkogo samosoznaniya po istoricheskim pamyatnikam i nauchnym sochineniyam.* M.: Institut russkoj civilizacii, 2011. 688 s.
3. Ikonnikov V.S. *Opyt russkoj istoriografii.* Kiev: Tipografiya Universiteta sv. Vladimira, 1891. T. I. Kn. 1. 1016 s.
4. Ikonnikov V.S. *Opyt russkoj istoriografii.* Kiev: Tipografiya Universiteta sv. Vladimira, 1892. T. I. Kn. 2. 1283 s.
5. Ikonnikov V.S. *Opyt russkoj istoriografii.* Kiev: Tipografiya Universiteta sv. Vladimira, 1908. T. II. Kn. 1. 1113 s.
6. Ikonnikov V.S. *Opyt russkoj istoriografii.* Kiev: Tipografiya Universiteta sv. Vladimira, 1908. T. II. Kn. 2. 1054 s.
7. Lashnyukov I.V. *Ocherki Russkoj istoriografii / Posobie k izucheniyu russkoj istorii kriticheskim metodom.* Kiev: Universitetskaya tipografiya, 1874. Otdel II. 207 s.
8. Klyuchevskij V.O. *Sochineniya v devyati tomah.* M.: Mysl', 1989. T. VII. 508 s.
9. Milyukov P.N. *Glavnye techeniya russkoj istoricheskoj mysli.* SPb.: Izd-vo M.V. Aver'yanova, 1913. 347 s.
10. Lappo-Danilevskij A.S. *Ocherk razvitiya russkoj istoriografii // Russkij istoricheskij zhurnal.* 1920. № 6; *Pamyati akademika A.S. Lappo-Danilevskogo* († 7 fevralya 1919 g.).
11. Malinov A.V., Pogodin S.N. *Aleksandr Lappo-Danilevskij: istorik i filosof.* SPb.: Iskusstvo-SPB, 2001. 285 s.
12. Saharov A.M. *Nekotorye voprosy metodologii istoriograficheskikh issledovanij // Voprosy metodologii i istorii istoricheskoy nauki.* M.: Izd-vo MGU, 1977. 315 s.
13. Pokrovskij M.N. *Bor'ba klassov i russkaya istoricheskaya literatura // Pokrovskij M.N. Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov (istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki).* Vyp. 1. M. – L.: Gosudarstvennoe Social'no-ehkonomicheskoe izd-vo, 1933. 327 s.
14. Pokrovskij M.N. *Kem i kak pisalas' russkaya istoricheskaya nauka do marksistov // Pokrovskij M.N. Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov (istoriograficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki).* Vyp. 1. M. – L.: Gosudarstvennoe Social'no-ehkonomicheskoe izd-vo, 1933. 327 s.
15. Rubinshtejn N.L. *Russkaya istoriografiya.* M.: OGIz, Gospolitizdat, 1941. 659 s.
16. Shmidt S.O. *O metodike vyavleniya i izucheniya materialov po istorii sovetskoj istoricheskoy nauki // Istoriografiya istorii SSSR. Trudy / Moskovskij istoriko-arhivnyj institut.* M., 1965. T. 22. 294 s.
17. Murav'ev V.A. *«Russkaya istoriografiya» N.L. Rubinshtejna // Arheograficheskij ezhegodnik za 1998 g.* M.: Nauka, 1999. 429 s.
18. Solomaha E.N. *Trud N.L. Rubinshtejna «Russkaya istoriografiya»: ego sodержanie i ocenka v otechestvennoj istoricheskoy literature.* N. Novgorod: Plamya, 2011. 232 s.
19. Illerickaya N.V. *Stanovlenie sovetskoj istoriograficheskoy tradicii: nauka, ne obretshaya lica // Sovetskaya istoriografiya: Sbornik statej / Pod red. Yu.N. Afanas'eva.* M.: RGGU, 1996. 588 s.
20. Saharov A.M. *Istoriografiya istorii SSSR. Doso- vetskij period.* M.: Vysshaya shkola, 1978. 256 s.
21. Dvornichenko A.Yu. *O periodizacii i sodержanii kursa russkoj istoriografii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta.* 2005. Ser. 2. Vyp. 4. S. 28–38.
22. Lenin V.I. *Vozhd' likvidatorov o likvidatorskikh usloviyah edinstva // Poln. sobr. soch.* T. 24. 567 s.
23. Lenin V.I. *Politicheskij krizis i proval oportunisticheskoy taktiki // Poln. sobr. soch.* T. 13. 579 s.
24. Lenin V.I. *Mertvyj shovinizm i zhivoj socializm // Poln. sobr. soch.* T. 26. 590 s.
25. Ramazanov S.P. *Krizis v rossijskoj istoriografii nachala XX veka. (V 2 ch.). Ch. 1: Postanovka i popytka resheniya problemy.* Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosuniversiteta, 1999. 144 s.